

СОРАБОТНИЧЕСТВО РЕЛИГИЙ КАК ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

В постсоветском, в значительной мере постсекулярном обществе, в том числе и Беларуси, существенно возросла роль религии, что сопровождается значительным расширением ареала религиозности. Одним из реальных проявлений постсекуляристских тенденций в социодинамике религиозности в Беларуси является достаточно внушительный рост численности религиозных объединений и общин. На протяжении двух с половиной десятилетий (с 1988 по 2015 год) их количество возросло с 765 до 3314, то есть в 4,33 раза. Количественное приращение религиозных общин происходит в республике неравномерно. По сравнению с 1991 годом количество православных общин Беларуси возросло в 2015 году с 603 до 1643, т.е. в 2,7 раза; католических — с 222 до 491 (в 2,2 раза), евангельских христиан-баптистов — со 108 до 288 (в 2,66 раза), христиан веры евангельской — со 119 до 522 (в 4,4 раза), адвентистов седьмого дня — с 12 до 73 (в 6 раз), лютеранской церкви — с 5 до 27 (в 5,4 раза), а иудейской религии — с 3 до 52 (в 17 раз). Здесь, разумеется, сказывается наибольшая приверженность населения Беларуси к православию и вызванная этим значительно большая плотность в стране православных общин, более активная миссионерская деятельность приверженцев различных течений протестантизма, а также существовавшее длительное время, постепенно уходящее в небытие, предвзятое отношение властей и большинства населения к иудаизму.

Наша страна является межконфессиональной, в ней функционируют 25 религиозных конфессий. Наибольшее количество официально зарегистрированных религиозных общин в Беларуси по состоянию на 1 января 2015 года принадлежало к православной церкви — 1643 (около половины, 49,6% от общей численности религиозных объединений в стране), к римско-католической церкви относятся 491 религиозная организация — (14,8% от общей численности таких организаций), к христианам веры евангельской — 522 (15,8%), к евангельским христианам баптистам — 288 (8,7 %) организаций. Сторонники иудаистских религиозных общностей объединены в 3,9 % религиозных объединений (чуть больше 1,5%), поборники мусульманской религии взаимодействуют в 25 организациях (0,75%), а приверженцы лютеранской церкви объединены в 27 организаций (0,8%).

В социологическом осмыслении и истолковании религии, основывающемся на идеях, сформулированных М. Вебером, религиозная вера определяется как сложная и многогранная система последовательных ответов на важнейшие дилеммы человеческого бытия в их соотнесенности с Богом, такие, в частности, как любовь, верность, рождение, добро, зло, страдание, смерть.

Религия в такой теоретической экспликации — это человеческая реакция на те события, которые в конечном счете обязательно касаются каждого из нас. Но и культура в той же мере, а может быть в еще большей, чем религия, обращается к проблемам любви, верности, предательства, рождения, добра, зла, страдания. Именно эти понятия составляют тот каркас в пределах которого разворачиваются и религиозные доктринальные установки, и сюжетные линии произведения культуры. Именно здесь формируются истоки и тенденции соработничества различных религий, а также соработничества религии и культуры как способов духовного освоения миром человека. Только следует иметь в виду, что религия проповедует любовь к ближнему милосердием, добропорядочность в соответствии с критериями духовности доброты, а культура — в соответствии с критериями эстетичности и красоты. В таком понимании религия предстает как 1) мировоззренческое и психологическое

принятие человеком основных положений религиозной системы в качестве достоверных истин, а также как 2) неотъемлемый компонент взаимодействия религиозной веры с другими элементами культуры.

С точки зрения философии религии рассматривается в качестве совокупности ритуалов и культовых действий, обеспечивающих связь человека с потусторонними силами, прежде всего с Богом и выполняющих важную духовно-нравственную роль развития человека и общества. С точки зрения антропологии и психологии религии интерпретируются как мировоззренческая и мотивационная установка человека, который идентифицирует себя с высшей мировой реальностью и удовлетворяет тем самым потребность в надежности своего существования.

Если мы примем все это во внимание, то религиозная вера представляет собой специфическое психолого-мировоззренческое состояние человека, свидетельствующие о полном принятии явлений, событий, фактов, убеждений, аргументов, которые внушаются ему и реализуются в его поведение под воздействием определенной религиозной доктрины (вероучения). Разъясняя смысл именно этой стороны религии, выдающийся русский православный философ И.А. Ильин в своей последней книге утверждал: «Религия состоит в любви к Богу, во всем Его совершенстве и в стремлении к полноте общения с Ним. Человек ищет Бога и понимает Его как сущее совершенство, человек домогается восприятия Его и быстро убеждается в том, что это восприятие требует от него самого очищения совершенствования; человек жаждет общения с Богом, это общение открывается ему лишь в ту меру, какую ему удаётся приблизить к совершенству свои внутренние состояния и свои жизненные дела».⁴

В начале XXI вв. стало общепризнанным не только в богословской, но также в философской, социологической и культурологической литературе утверждение о том, что Библия, которая справедливо названа Книгой Книг, несет в себе в качестве важнейшего компонента не только религиозную веру, но и знание, а также культурно-нравственные ценностные установки. По утверждению выдающегося французского романиста В. Гюго, «у поэта должен быть только один образец — природа, только один руководитель — правда. Он должен писать, опираясь не на то, что уже было написано, а на то, что подсказывает ему его сердце и его душа. Из всех книг, побывавших в руках людей, он должен изучить только две: Гомера и Библию. Ибо это достойные поклонения книги, первые по времени создания и по значению и почти такие же древние как мир, сами по себе — целый мир для мысли. Вы находите здесь как бы все мироздание взятое с двух его сторон: в гомеровском эпосе — как понимает его человеческий гений, а в Библии — как видит его Дух Божий».⁵

Вдумчивому исследователю без особого труда удастся проследить особенности рецепции наиболее известных библейских книг, образов, сюжетов, мотивов в мировой художественной культуре. Утверждаемые христианством в качестве важнейших добродетелей милосердие, доброта, истина и красота составляют стержневой ориентир и основной контекст транскультурных европейских ценностей. Вне их вдохновляющего воздействия трудно понять истинную ценность «Божественной комедии» Данте, «Сикстинской мадонны» Рафаэля, «Страстей по Иоанну» Иоганна Себастьяна Баха, «Мессии» Генделя, «Троицы» Андрея Рублева, «Торжественной мессы» Людвиг ван Бетховена, «Пьеты» Микеланджело, «Явления Христа народу» А.А.Иванова или «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского.

Всеим своим содержанием, духовной направленностью и яркими художественными образами эти шедевры европейской культуры внушают воспринимающему их индивиду вдохновляющую идею, согласно которой жизнь

⁴ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. Издательство «Белорусского Экзархата». — Минск. 2006. — С. 565-566.

⁵ Гюго В. Предисловие к сборнику «Оды и баллады» // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. — М. 1980. — С. 446.

человека и неприкосновенность его достоинства должна стать высшей ценностью и непоколебимым столпом нравственного порядка в обществе. Это вполне согласуется с аксиомами христианского миропонимания.

Многие люди, стремящиеся под влиянием различных обстоятельств — личных, семейных, общественных и т.п. — приблизиться к религиозности, преодолевает на этом пути немало сомнений и колебаний. Ведь не просто человеку, который в условиях многолетнего господства в стране государственного атеизма и отсутствия духовной свободы, переломив свои прежние взгляды и убеждения, старается обратить свое сердце, чувства и думы к религиозному миропониманию. Складывающуюся в таких условиях ситуацию великий русский писатель Ф.М. Достоевский устами главного героя «Братьев Карамазовых» — Дмитрия Карамазова — выразил очень впечатляюще и точно: «Тут дьявол с богом борется, а поле битвы — сердца людей».⁶

И в этой вселенской борьбе господствует коренящаяся в религиозной вере совесть. По твердому убеждению великого писателя: «Единый суд — моя совесть, т.е. сидящий во мне Бог».⁷ А такая возвышающая человека духовно совесть дает ему «нравственную цель», «нравственное занятие», без которых «не стоит жить».⁸ Но воплощать успешно данный духовно-нравственный принцип, считал Ф.М. Достоевский, может только тот человек, который верит «в красоту народа..., не сплошную красоту народа, а в то, что он уважает как красоту».⁹ Ссылаясь на Евангелие, он подчеркивал, что люди «успокаиваются не прогрессом ума и необходимости, а нравственным признанием высшей красоты, служащей идеалом для всех».¹⁰ Устами главного героя «Братьев Карамазовых» писатель оценивает в высшей степени высоко соединение красоты «с самой чистейшей любовью, с любовью полного всепрощения и самопожертвования».¹¹

Один из наиболее ярких поклонников творчества Ф.М. Достоевского, религиозно ориентированный русский философ первой половины XX века оказавшиеся по воле руководителей Советской власти в изгнании, Н.А. Бердяев утверждал, что религиозный путь в жизни творчества человека выступает как путь *человекобожеский* и одновременно как путь *богочеловеческий*, а развиваемая им философия свободы есть философия богочеловечества. По его утверждению, «силой божественной любви Христос возвращает миру и человечеству утраченную в грехе свободу..., восстанавливает идеальный план творения, усыновляет человека Богу, утверждает начало *богочеловечности*»¹². Раскрывая смысл этой формулы он подчеркивал, что Бог передал свое творение сотворенному человеку, а человек может отчасти уподобляться Богу в своем творчестве. Человек, по его убеждению, создан, чтобы творить и создавать себя и весь окружающий мир посредством акта свободы. И в этом акте примат принадлежит личности, которая достигает самореализации либо путем «объективации», т.е. принятия «общеобязательных» форм жизни, либо путем «трансцендирования», которое и есть реальная жизнь в свободе.

Но подлинная свобода, считал Н.А. Бердяев, всегда персонифицирована, в ней раскрывается примат личности над социальностью. Выступая против тотального подчинения индивида общественно-утилитарным целям и жизненным обстоятельствам, он утверждал, что религиозное миропонимание неизбежно «ведет не

⁶ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 30-ти т-х. — Т.14. — Ленинград: Наука, 1976. — С. 100.

⁷ Достоевский Ф.М. Дневник писателя 1876 г. Полное собрание сочинений в 30-ти т-х. — Т.24. — С. 109.

⁸ Там же. С. 115.

⁹ Там же. С. 145.

¹⁰ Там же. С. 159.

¹¹ Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 30-ти т-х. — Т.14. — Ленинград: Наука, 1976. — С. 269.

¹² Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. — М.: Правда, 1989. — С. 13, 145.

только к вселенности, но и к спасению личности, обретению индивидуальности», к «религиозному соединению судьбы личности и судьбы вселенной»¹³.

С этой бердяевской позицией перекликаются рассуждения С.Н. Булгакова, который утверждал, что слово Божие не может не входить в личное самосознание человека, не становится личным его убеждением. По его глубокому убеждению «должна быть личная *встреча* со словом Божиим и личное его разумение (непосредственное или же посредственное), — последнее в том случае, если истины и Слова Божии воспринимаются не прямо из Библии, но из богослужебных текстов, изображений, проповедей и т.п. Но эта личная встреча возможна только в духовном единении с Церковью, но не в обособлении от нее, соборно, хотя и индивидуально»¹⁴.

В своей богословской и проповеднической деятельности и в России, и в эмигрантском изгнании С.Н. Булгаков исходил из понимания того, что «Священное Писание есть голос Бога к человеку, и ему принадлежит абсолютное значение (хотя оно и излагается в исторически обусловленной форме). Оно есть *вечное* откровение Божества, которое как таковое имеет неизгладимую и всегда открывающуюся глубину и значение, не только для века настоящего, но и будущего»¹⁵.

«Слово божье есть также и слово человеческая, которое вместило в себя вдохновение Духа Святого, и как бы приложилось и стало богачеловеческим, божественным и человеческим одновременно». При этом он обращал особое внимание на то чрезвычайно важное обстоятельство, что при всяком понимании Слова Божьего «сохраняет свою силу историческая обусловленность его человеческой формы, связанная с языком, эпохой, народным характером, и прочее, и современная библейская наука все более научается различать эту историческую форму, причем благодаря этому обострению исторического зрения увеличивается и уразумение его конкретности»¹⁶. И во всех этих рассуждениях богослов приходит к непреклонному выводу о необходимости личностной сопричастности христианина библейским сюжетам и заповедям: «может и должно быть у христианина свое личное отношение, своя личная жизнь, и так же, как и своя личная молитва»¹⁷.

Развивая и конкретизируя идеи Бердяева и Булгакова о богочеловеческой сущности личности, сформировавшийся в лоне церкви, выдающийся русский православный богослов, философ и культуролог Л.П. Карсавин в своем фундаментальном труде «О личности», утверждал, что «личность — самосредоточие бытия, сотворенного высшей всеединой Личностью Божественного Логоса, которой безначален и бесконечен. Поэтому «нет границ «лицетворению» и «лицепринятию», которые присущи «каждому из нас как индивидуальной личности»¹⁸. А из этого, по его мнению, вытекает, что «в процессе объединения различных людей в социальную общность социальное самосознание осуществляется только в индивидуумах. Но индивидуумы выражают в себе социальную личность с разной степенью полноты, многообразия и активности, хотя каждый в своем качестве». В процессе «взаимосамобытности личностей в социальном пространстве раскрывается важная особенность социального бытия людей, проявляющаяся в том, считал Л.П. Карсавин, что «в индивидууме нет резкой, неподвижной и поставленной границы между им как индивидуальной личностью, им как моментом социальной личности и им как самой социальной личности»¹⁹.

¹³ Там же. С. 127.

¹⁴ Булгаков С.Н. Православие. — М.: АСТ, 2003. — С. 27.

¹⁵ Там же. С. 36-37.

¹⁶ Там же. С. 36-37.

¹⁷ Там же. С. 41-42.

¹⁸ Карсавин Л.П. О личности // Религиозно-философские сочинения. Т. 1. — М.: Renaissance, 1992. — С. 121-124, 127-128.

¹⁹ Там же. С. 127.

Если конкретизировать, приведенные рассуждения Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, Л.П. Карсавина и других православных философов и богословов, то мы неизбежно приходим к выводу, согласно которому высшим воплощением богосотворенной сущности человека, а соответственно, и основной миссии Церкви является духовное возвышение человека, главный источник смыслополагания, личностного самоопределения и осмысленного преображения на путях единения человеческого с божественным.

Все православные богословы в своих сочинениях, проповедях, беседах, основывают христианский тип мировосприятия, как уже показано выше при рассмотрении трудов С.Н. Булгакова на харизматическом тексте Библии как Священном Писании и Божественном произведении, в котором расширяется вся глубина, величие и таинство Божественного замысла о человеке. Центральной идеей этой Великой книги является идея *завета*, т.е. взаимного обещания верности, любви, союза, которую Бог заключает со своими веропослушными избранныками.

Вот здесь, — то и возникает не поверхностное формирование, а глубоко содержательное, накопленное высоким духовным смыслом, понимание сущности и значимости основанного на тесном союзе, на соработничестве науки и религии, разуме и вере. И как не вспомнить здесь мудрейшие высказывания великого русского писателя Л.Н. Толстого. По его суждению, «в наше время влить в человека духовное содержание через веру, помимо разума — это все равно, что питать человека помимо рта»²⁰. И хотя Лев Николаевич в некоторых позициях существенно расходится с некоторыми, чрезмерно драматизированными практическими действиями православных священников, все содержание его произведений, писем и дневников свидетельствуют, что он с глубоким почтением всегда относится к идеям и текстам Священного Писания.

В начале XXI вв. стало общепризнанным не только в богословской, но также в философской и социологической литературе утверждение о том, что Библия, которая справедливо названа Книгой Книг, несет в себе в качестве важнейшего компонента не только религиозную веру, но и знание. Одна из отличительных особенностей художественной культуры (искусства) заключается в ее формирующем воздействии на способность человека воспринимать, оценивать и преобразовывать окружающий мир и самого себя по законам красоты. Красота, как и сама жизнь, многогранна. Обычно говорят, что красота связана с миром событий, происходящих в окружающей среде, наличие которых, воспринимаемых органами чувств, доставляют человеку сильные приятные ощущения. Именно в этом смысле толкуются знаменитые слова Ф.М. Достоевского: «Красота спасет мир»²¹. Глубочайший смысл данного суждения состоит в том, что восприятие красоты человеком — возвышено, благородно, высокодуховно, и человек в таком восприятии мира не в состоянии совершить подлости и преступления, а все свои помыслы и поступки направляет на служение добру, к тому, что он назвал «высокочеловеческим». Он был убежден, что «Литература красоты одна мир спасает...». Разъясняя смысл данного утверждения, он подчеркивал, что воспитывающее воздействие на человека художественной литературы определяется «нравственным признанием высшей красоты, служащей идеалом для всех, перед которой все бы распростерлись и успокоились: вот, дескать, что есть истина, во имя которой все бы обнялись и пустились действовать, достигая ее (красоту)». Великий писатель был убежден, что никакая нравственная низость и подлость не в состоянии заглушить духовные силы человека, призывал к тому, чтобы зло являлось не ограниченным только внешним порядком {различными карами и насилием), но вполне побежденным неискоренимым началом добра,

²⁰ Л.Н. Толстой. Публицистические произведения 1886-1908. — Собр. соч. в 22-х т-х. — М.: Художественная литература, 1984. — Т. 17. С. 135.

²¹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 год // Полное собрание сочинений в 30-т т-х. — Т. 24. — Ленинград, 1982. — С. 159, 167.

внутренней духовной силой человека. Говоря о романе «Идиот», он подчеркивал, что главная мысль этого романа — изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, потому что задача — безмерная. Главным герой романа князь Лев Мышкин в своем образе несет три нераздельных грани. Первая из них — следование Христу (глубоко нравственное поведение, всепрощение, сострадание, желание воспитывать словом), вторая — донкихотство (рыцарь добра и справедливости, не имеющий никаких практических целей и дел), третья — дитя (не в смысле инфантильности, а в смысле той детскости, которая всегда присутствует в нравственном, добром человеке, т.е. неиспорченности). Князь потрясен красотой Настасьи Филипповны, но это красота поруганная. Образами Мышкина и Настасьи Филипповны писатель выносит приговор обществу, в котором погибают и внешняя и внутренняя красота: внешнюю красоту убивает физическое насилие, а внутреннюю, нравственную — насилие духовное. В романе красота предстает в разных ипостасях: «Красота — загадка!», «Красоту трудно судить», «Такая красота — сила! С этакой красотой можно мир перевернуть». Но лейтмотивом этого произведения звучат слова Мышкина: «Мир спасет красота!»²².

Вот здесь-то и раскрывается вся глубина понимания Ф.М. Достоевским смысла жизни. Он заключается в единении внешней красоты с внутренней, духовной красотой, неотрывной от добра и справедливости. Именно такое понимание красоты и ее спасительной силы дает человеку и человечеству возможность и реальные пути нравственной мощью духа побороть всякую внешнюю неправду и зло, а затем и неправду внутреннюю.

Многие литературные критики, культурологи, социологи, философы делают в этой знаменитой, программной по существу, фразе ударение на последнем слове. Между тем сам Ф.М. Достоевский и его вдохновенный истолкователь Н.А. Бердяев основной упор делали на втором слове, на *спасительной силе и сущности красоты*. В своих убеждениях гениальный романист, по словам В.С. Соловьева, «никогда не отделял истину от добра и красоты; в своем художественном творчестве он никогда не ставил красоту отдельно от добра и истины. И он был прав, потому что эти три живут только своим союзом. Добро, отделенное от истины и красоты, есть только неопределенное чувство, бессильный порыв, истина отвлеченная есть пустое слово, а красота без добра и истины есть кумир. Для Достоевского же это были только три нераздельные вида одной безусловной идеи... Истина есть добро, мыслимое человеческим умом, красота есть то же добро и та же истина, телесно воплощенные в живой конкретной форме. И полное ее воплощение — уже во всем — есть конец и цель и совершенство, и вот почему Достоевский говорил, что красота спасет мир»²³.

Ф.М. Достоевский был убежден в том, что «люди успокаиваются не прогрессом ума и необходимости, а нравственным признанием высшей красоты, служащей идеалом для всех..., во имя которой все бы обнялись и пустились действовать, достигая ее (красоту)»²⁴. Он с непоколебимой твердостью утверждал: «Тогда только очищается чувство, когда соприкасается с красотой высшей, с красотой идеала»²⁵.

Всем своим творчеством Ф.М. Достоевский восставал против того, чтобы в обществе происходило «отнятие всей личной и духовной свободы у людей, умерщвление личности». Он мечтал о том, что наступит время, когда «все люди в

²² Достоевский, Ф.М. Идиот // Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений. В 30-и т-х. — Т. 8. — М.: Наука, 1973. — С. 317.

²³ Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского // В.С. Соловьев. Сочинения в двух томах. — М.: Мысль, 1988. — С. 305-306.

²⁴ Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1876 год. Ноябрь-декабрь // Ф.М. Достоевский. Полное собрание сочинений в 30-и т-х. — Т. 24. — М.: Наука, 1982. — С. 159.

²⁵ Там же. С. 198.

России будут образованы, очеловечены и счастливы»²⁶. В служении этому идеалу он усматривал великое предназначение художественной литературы.

Конечно же, не один Ф.М. Достоевский из великих русских писателей воспел выдающуюся человековозвышающую значимость красоты в жизнедеятельности людей. Вспомним, ведь и В.Г. Белинский утверждал, что красота есть необходимое условие искусства, что без красоты нет и не может быть искусства. Эта позиция фактически совпадала с суждением Н.В. Гоголя, согласно которому искусство стремится непременно к добру положительно или отрицательно: выставляет ли нам красоту всего лучшего, или же смеется над безобразием всего худшего в человеке.

Глубокие суждения о красоте и ее роли в моральном возвышении человека высказал Л.Н. Толстой. В его понимании, красота есть добро, а возвышая человека духовно, добро сливается воедино с нравственностью. В своем дневнике за 1852 год он записал: «Простота есть главное условие красоты моральной». Развивая эту мысль, гениальный писатель подчеркнул: «Велика моральная сила русского народа». И выражая стремление чтобы эта моральная красота находила воплощение в художественной литературе, он во время работы над «Севастопольскими рассказами» записал: «Желаю..., чтобы всегда Россия имела... нравственных писателей».²⁷

В классических художественных произведениях, как уже отмечалось, красота в ее великом нравственном воплощении органично взаимодействует с духовностью и стремлением человека совершенствоваться, совершать добро. По замечательному утверждению Л.Н. Толстого, «человек вообще стремиться к жизни духовной». Поэтому, в его понимании, человек в своей повседневной жизни должен «быть деятельным всегда к цели духовной, обдумывать все свои поступки на том основании, что те хороши, которые стремятся к целям духовным». Поэтому, утверждал он, целевая установка литературной деятельности призвана быть «основанной на пользе, добре ближнему»²⁸. Он был убежден, что у человека и человечества существует только одна верная дорога — возрастание добра. Ведь добро в отношении к другому человеку во всех толстовских шедеврах — и в «Войне и мире», и в «Анне Карениной», и в «Воскресении» — вызывает отклики в душе и действиях другого человека, завораживает другого, побуждает его делать добро другим людям. Поэтому он и подчеркивал: «Все, что соединяет людей, есть добро и красота, все что разъединяет их зло и безобразие».²⁹

Но подлинное добро, в понимании Л.Н. Толстого, неотрывно от любви. Восхищаясь преобразующим душу человека могуществом этого удивительного и великого чувства, он восклицал: «Вот кто настоящая волшебница — это любовь. Стоит полюбить и то, что полюбил, становится прекрасным»³⁰. Поэтому, считал он, для человека очень важна «вера в добро и самоотвержение».³¹

Свое писательское кредо в понимании и истолковании человекоориентированности художественной литературы Л.Н. Толстой обстоятельно изложил в своем ответном письме Ромену Ролану. Обращаясь к великому русскому писателю, Ролан вопрошал: в чём состоит смысл жизни, каковы основные проблемы искусства. Отвечая на эти вопросы, Лев Николаевич подчеркивал, насколько тернист

²⁶ Там же. С. 126-127.

²⁷ Толстой Л.Н. Дневники 1847-1894. // Толстой Л.Н. Собр. сочинений в 22-х т-х. Т. 21. — Москва: Художественная литература, 1985. — С. 81, 132, 148.

²⁸ Толстой Л.Н. Дневники. 1847-1894. // Толстой Л.Н. Собр. сочинений в 22-х т-х. Т. 21. — Москва: Художественная литература, 1985. — С. 141, 149.

²⁹ Толстой Л.Н. Дневники. 1895-1910. Собр. сочинений в 22 томах. Т. 22. — Москва: «Художественная литература», 1985. — С. 31.

³⁰ Толстой Л.Н. Дневники. 1895-1910. Собр. сочинений в 22 томах. Т. 22. — Москва: «Художественная литература», 1985. — С. 31.

³¹ Толстой Л.Н. Письма. 1882-1910. Собр. сочинений в 22 томах. Т. 19, 20. — Москва: «Художественная литература», 1984. — С. 28.

поиск и простым человеком, и писателем смысла жизни. Поясняя свою позицию, он отмечал, поиски смысла жизни могут увенчаться успехом только в том случае, когда человек в отношениях с другими людьми руководствуется простым нравственным правилом — «как можно меньше заставляя других служить себе и как можно больше самому служить другим». Претворение в жизнь реальными поступками данного правила, по его убеждению, дает «нашему существованию разумный смысл и вытекающее из него счастье»³².

А если говорить об основных проблемах искусства, то главное предназначение писателя как и композитора или художника, быть наравне с совестью народа. По совершенно справедливой оценке Юрия Бондарева: «Толстой никогда не поднялся бы до роли властителя дум и чаяний, не будь он стойким выразителем совести народа»³³. А соотносимость с жизнью и чаяниями народа, с его совестью делают писателя способным оценить меру духовного в человеке, более того — сделать его способным увидеть безмерность и креативную сущность духовного начала в развитии и жизнедеятельности человека.

Как бы ни были многообразны идеи, сюжеты, события, образы героев художественной литературы, равно как и всей культуры, они всегда обращены к мысли, чувству, сердцу и душе конкретного человека, будь то простой труженик или представитель интеллектуальной элиты. Но чтобы разбудить интерес читателя, зрителя, слушателя к тому, что изображается в его произведениях, вызвать желаемый отклик в его мыслях и чувствах, сам деятель культуры должен быть интересной и яркой индивидуальностью.

Своеобразие художественной культуры как раз и заключается в том, что величайшей ценностью является индивидуальность. Писатель, композитор или режиссер, влекомые своим призванием творить мир по законам красоты, приобретает широкое признание в общественном мнении среди читателей, слушателей, зрителей именно тем, что, трансформируя окружающую жизнь через себя, привносит в нее нечто такое, чего без его творчества не увидят, не узнают, не услышат, не оценят. Чем знаменит «Черный квадрат» Казимира Малевича? В нем на первый взгляд нет ничего, кроме черного прямоугольника, и в тоже время в нем есть очень многое, что зритель может себе представить и вообразить, то, в чем сказывается творческая мощь гениального художника, его умение увидеть и истолковать мир по-своему, создать свой мир — субъективный, но несущий в этот мир субъективно воспринимаемый, но объективно и своеобразно ценный продукт вдохновенного творчества.

Одним из самых замечательных отличительных качеств художественной культуры является *катарсическое очищение* человеческой души. Сам термин «катарсис» введен в философский, эстетический оборот еще древнегреческим философом Пифагором, жившим в 570-497 гг. до н.э., в его учении о музыкальной гармонии космоса. Он утверждал, что гармоничные музыкальные мелодии и ритмы излечивают человеческие нравы, устанавливают гармонию душевных сил. Понятие катарсиса в своей сущности характеризует чувственно-эмотивное потрясение и очищение души человека под воздействием на него определенных произведений искусства, что и позволяет его психике освободиться от эмотивно-негативных переживаний и испытать вследствие этого очищающее и возвышающее личностное состояние радости, блаженства, удовлетворения. Известно, например, что Л.Н. Толстого до глубины души потрясли произведения Ж.-Ж. Руссо, А. Стендаля, О. де Бальзака, Ф. Рабле, В. Скотта, Н.В. Гоголя, грандиозная картина А. Иванова «Явление Христа народу», труды известного русского философа С.Н. Булгакова, алтарная композиция Рафаэля «Сикстинская Мадонна».

³² Толстой Л.Н. Письма. 1882-1910. Собр. сочинений в 22 томах. Т. 19, 20. — Москва: «Художественная литература», 1984. — С. 144.

³³ Бондарев Ю.М. Диалоги о формулах и красоте. — М.: Просвещение, 1990. — С. 127.

Но ведь очищающее и возвышающее воздействие на себя выдающихся произведений искусства испытывают не только писатели и другие деятели культуры. Разве кто-то из нас не испытывал (признаемся, читатель) такое же очищающее влияние романов Л. Толстого, Ф. Достоевского, О. де Бальзака или Я. Коласа, пьес У. Шекспира и А. Чехова, повестей В. Быкова, В. Шукшина, симфоний Л. ван Бетховена или П. Чайковского, опер В.А. Моцарта, Дж. Верди, М. Мусоргского, фортепианных концертов П. Чайковского и С. Рахманинова, песен в исполнении Э. Пиаф, Е. Образцовой, Л. Зыкиной, Д. Хворостовского, кинофильмов Ф. Феллини, И. Бергмана, А. Тарковского, киноролей Ч. Чаплина, А. Тарасовой, М. Ульянова?!

Такого рода мощными эмоциональными воздействиями на читателя, зрителя, слушателя и формируется удивительное состояние, которое Е. Евтушенко замечательно представляет как «культуру души». Он утверждает, что одним «из мерил культуры души является мудрость, которая всегда многогранна и там самым выше любых форм безапелляционности, лишенной живой человеческой теплоты»³⁴.

Согласно его глубоко верному и точному суждению, замечательные произведения художественной литературы «несут в себе гораздо больше философской плодотворной вопросительности, чем продекларированное желание безвопросности»³⁵. Ведь важнейшее предназначение поэзии, как и всей многогранной системы культуры, в том и состоит, чтобы помогать читателю задуматься над важнейшими вопросами человеческого бытия, которые ежедневно ставит перед ним быстро изменяющаяся социальная действительность. Именно вследствие этого, подчеркивает Е.А. Евтушенко, «только задумывание человека над собой, которое спасительно нам дарует великое искусство, делает нас лучше»³⁶.

Изложенное позволяет объяснить важность двух специфических черт культуры. С одной стороны, переживания литературных, кинематографических, музыкальных и иных героев произведений культуры составляют неотъемлемую и весьма существенную ткань любого повествования в произведении искусства, а с другой стороны, художественно достоверное и мастерское изображение человеческих переживаний, волнений, страстей, горестей вызывает живой отклик в душе читателя, зрителей, слушателей, сопровождаемый более или менее глубокими переживаниями.

Погружение в многоцветный и многообразный мир художественной культуры как для писателей, композиторов, режиссера, актера, так и для их читателей, слушателей, зрителей есть магическое действие самосозидания и самореализации. Подлинное, сильно воздействующее на человека художественное произведение побуждает его переживать, думать, дает пищу для души, для самоидентификации, для осознания нас самих, формирует у людей человекообразный взгляд на жизнь. Если мы примем во внимание все эти особенности, то становится очевидным, что структура культуры и ее социальная динамика неразрывно связаны с выполняемыми ею функциями. А когда мы задумываемся над тем, каковы эти функции, то бросается в глаза и немало удивляет нас ее полифункциональность.

Культура выполняет человекоформирующую и человековозвышающую роль не только художественной литературой, но и всеми другими видами искусства. Невозможно представить себе человекотворческую роль культуры, не раскрывая высокой значимости в процессе социализации и развития личности театрального искусства. Ведь театр в своей глубочайшей социальной сущности есть многообразное сценическое действие, в котором возникает насыщенная эмоциями, глубокими переживаниями, радостью и состраданием, любовью и ненавистью, сочувствием и отвержением непосредственное взаимодействие человека, исполняющего предписанную ему автором пьесы и режиссером роль на сцене, и зрителем —

³⁴ Евтушенко Е.А. Талант есть чудо неслучайное. М.: Советский писатель, 1980. — С. 185.

³⁵ Евтушенко Е.А. Завтрашний ветер. М.: Изд. «Правда». 1987. С. 147.

³⁶ Евтушенко Е.А. Талант есть чудо неслучайное. М.: Советский писатель, 1980. — С. 251.

человеком, находящимся в зрительном зале, воспринимающим, оценивающим восторженно, благосклонно или негодуяюще осуществляемое перед ним сценическое действие. Именно в театре идеологическая сущность культуры проявляется наиболее рельефно, многопланово и проникновенно. Такая специфика театра немислима в своей реализации без эмоционально-духовного взаимодействия актеров и зрителей, наличия и проявления общих интересов между создателями спектакля и публикой.

Истоки театра коренятся в древних играх, массовых народных обрядах, ритуальных действиях и т.д. С самого начала своего возникновения и вплоть до сегодняшнего дня театр и зрительская аудитория предстают в качестве своеобразной социокультурной и художественно-эстетической системы в разнообразных проявлениях ее структурно-функциональных особенностей и динамики ее многопланового развития.

Но как бы ни развивалась эта своеобразная социокультурная система, всякое новшество, возникающее и утверждающееся в ней, неразрывно связано с существующими и передающимися от поколения к поколению традициями. С античных времен многочисленны, сменяющие друг друга поколения исполнителей и зрителей дарят друг другу всемирно известные спектакли и восторженное восприятие постановок трагедий Эсхила, Софокла, Еврипида, комедий Аристофана. А разве можно вообразить репертуар современного театра без всемирных драматических шедевров У. Шекспира, М. Сервантеса, П. Кальдерона, Ж.Б. Расина, Ж.-Б. Мольера, В. Гюго, А.С. Пушкина, А. Мицкевича, И.В. Гете, Г. Гауптмана, Г. Ибсена, А.Н. Островского, М.А. Булгакова, Я. Купалы, Я. Коласа, А. Макаенка и др. Но также как нет и не может быть театрального искусства без выдающихся авторов пьес, так и не может его быть без выдающихся режиссеров и актеров. Мы назовем только некоторых из них, создавших и создающих славу театра: режиссеров — Ж.-Л. Барро (Франция), Э. де Филиппо (Италия), К. Станиславского, В. Немировича-Данченко, В. Мейерхольда, Е. Вахтангова, Ю. Любимова (Россия); актеров: Э. Терри (Великобритания), С. Бернар (Франция), Т. Сальвини (Италия), М. Щепкин, М. Ермолова, В. Качалов, А. Тарасова, О. Ефремов, И. Смоктуновский (Россия), С. Станюта, А. Овсянников, Л. Давидович (Беларусь) и др. Каждый из них внес в театральную жизнь нечто самобытное, своеобразное, талантливое, покоряющее и потрясающее зрителей. Как ни вспомнить замечательные, глубоко верные слова гениального русского писателя Льва Николаевича Толстого: «Когда люди восхищаются Шекспиром, ... они восхищаются своими мыслями, мечтами, вызываемыми Шекспиром. [...] В таком восхищении нет настоящего реального искусства, но зато есть его полная беспредельность». Величайшее предназначение театра состоит в том, что творчество драматургов, режиссеров, актеров пробуждает у зрителей не только интерес и чувства любви к прекрасному, но и глубокое восхищение.

В условиях становления и стремительного развития современного информационного общества, ежедневно и ежечасно обрушивающегося на человека разнообразные по качеству и направленности потоки информации, театральным зрителем, его интересы и предпочтения выполняет важную роль во взаимоотношении публики и сценического действия во всем многообразии их прямых и косвенных связей, которые побуждают его увидеть и оценить отражение на театральной сцене разнообразных проявлений современной жизни общества. С другой стороны, сценическое искусство не может не воспринимать тех воздействий, которые оказывают на него зрительские интересы, предпочтения, оценки, ожидания. В такой ситуации выявление своеобразного социально-духовного своеобразия динамического взаимодействия театра и зрителя, несомненно, приобретает отчетливые грани актуальности.

Давайте задумаемся: чем знаменит театр со времени античности и вплоть до наших дней? Это яркие личности, воплощение в столь же ярком артистическом

мастерстве, движимые не мелкими страстишками, а страстями, не любвишкой, а любовью, не мелкими пакостями, а непостижимой глубиной подлости и предательства. Это царь Эдип и Медея, это шекспировские Гамлет и Генрих IV, это гетевский Фауст и пушкинский Онегин в конце знаменитого романа в стихах, точно так же это Горлохвватский в «Хто смяецца апошнім» Кондрата Крапивы, это глебовский шедевр «Абы ціха» в «Константине Заслонове» в Купаловском театре. Это — запоминающиеся лики, личины, личности, без которых нет возвышающего личность зрителя, его чувства и душу, катарсического, очищающего воздействия театра на зрительский зал. Вот тогда-то, отмечал Гегель, зритель становится способным и готовым осуществить свой «субъективный художественный суд». Но каждый зритель, находящийся в театральном зале, испытывает или не испытывает удовлетворение от сценического действия по-своему, индивидуально, лично, равно как и актер способен или не способен вызвать это очищающее катарсическое чувство у человека в индивидуальном воплощении, в зависимости от степени своего исполнительского таланта и мастерства либо его отсутствия.

В теоретическом осмыслении человековозвышающей миссии культуры своеобразный и выдающийся вклад вносит анализ музыкального творчества. По прекрасному суждению, высказанному известным русским композитором и музыкальным критиком А.Н. Серовым, «Музыка — это язык души, это область чувств и настроений, это — в звуках выраженная жизнь души». Трудно представить себе культурно развитого человека, который бы не восхищался музыкальными произведениями таких всемирно признанных композиторов, как И.С. Бах, В.А. Моцарт, Л. ван Бетховен, Ф. Шопен, Ф. Лист, Дж. Верди, Дж. Пуччини, П. Чайковский, С. Рахманинов, И. Стравинский, С. Прокофьев, Д. Шостакович и др.

В понимании и истолкование человекоформирующей значимости музыки, особенно в современном мире, существенный творческий вклад внесли сочинения выдающегося немецкого философа, социолога, музыковеда Теодора Адорно. Он подчеркивал, что «Социология музыки требует не только осознания роли общества и его структуры, не только принятие к сведению простой информации о музыкальных феноменах, но и полного понимания музыки во всех ее импликациях»³⁷.

В его социолого-музыковедческих произведениях как раз и содержится такое крупномасштабное истолкование сущности, роли и значимости музыки, как специфического вида искусства в развитии и воспитании человека. Он не только дает удивительно верное истолкование творчества выдающихся композиторов С. Баха, Л. ван Бетховена, П.И. Чайковского, В.А. Моцарта, И.Ф. Стравинского и других музыкальных корифеев, но и характеризует функции музыкальных произведений в обществе, выстраивает типологию тех людей, на которых воздействует (либо не воздействует) музыка. В его работах основательно, с большой убедительностью характеризуются те специфические качества, которые выкристаллизованы в музыке. Он обстоятельно анализирует функции, которые выполняет музыка в обществе, - социальная, коммуникативная, отвлекающая, развлекательная, идеологическая. Особенно высоко им оценивается человековозвышающая роль так называемой «высокой музыки», основное предназначение которой — «создать посредством своей структуры образ внутренней полноты, содержательность времени, блаженного пребывания во времени или же, говоря словами Бетховена, «славного мгновения»³⁸.

Выдающийся композитор и музыковед, автор не только высокопрофессиональных музыковедческих трудов, но и широко известных балетов «Пламя Парижа» и «Бахчисарайский фонтан» Б.В. Асафьев, обращал пристальное внимание не только на творчество композиторов и артистов оперы и балета, исполнителей классической или популярной музыки, но и на восприятие их творчества

³⁷ Адорно Т. Избранное: социология музыки. — М.РОССПЭН, 2008. — С.10.

³⁸ Там же. С.49.

зрителями и слушателями, для которых музыкальные произведения — не только предмет интереса и понимания, но и часть их личной жизни их душевного опыта.

В воспитании человека, в формировании его музыкальной образованности, а также в повышении исполнительской культуры музыкантов и певцов, в открытии новых талантов и обеспечении им широкого признания важную роль выполняют музыкальные конкурсы и фестивали. Глубокий восторженный отклик в зрительской и слушательской среде вызывает регулярно проводимый ежегодно в Витебске «Славянский базар», который собрал в 2015 году на своей сцене певцов, музыкантов и других исполнителей из 44 стран мира. Отмечая неповторимую атмосферу этого прекрасного музыкального праздника, Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в своем выступлении на его закрытии в 2015 году подчеркнул, что Международный фестиваль искусств Славянский базар в Витебске «зарекомендовал себя как место, где музыканты, художники, артисты и ценители искусства знакомятся с новыми тенденциями и творческими находками со всех концов земного шара»³⁹.

На взаимопересечении музыкального и театрального творчества возникает и развивается балет как специфический вид искусства, в котором основным средством выразительности выступает музыкально-хореографический спектакль, где органично взаимодействуют музыка, танец, драматическое действие и элементы изобразительного мастерства. К жанру балета обращались крупнейшие композиторы П.И.Чайковский («Лебединое озеро», «Спящая красавица»), М. Равель («Дафнис и Хлоя»), И. Стравинский («Весна священная»), С. Прокофьев («Ромео и Джульета»), балетмейстеры Ф. Тальони, Ж. Перро, М. Петипа и др., а также выдающиеся танцовщики и танцовщицы М. Кшесинская, А. Павлова, Г. Уланова, О. Лепешинская, В. Васильев, Е. Максимова, М. Плисецкая, М. Барышников, Р. Нуриев и др.

Специфика балетного действия рождается слиянием музыки, жеста и сознания, а движение раскрывает беспредельность человеческих стремлений. Органичное единение движения и внутренней энергии артиста дает возможность создания и восприятия истинной красоты. Танцовщик, преодолевая пределы самого себя посредством движения и внутренней интуиции, передает желаемую духовную энергию зрительному залу и уносит восприятие и сознание восторженного зрителя в мир идеала. Духовная энергия балетного театра — это зрелищная действенная сила, олицетворяющая великолепный и величественный окружающий мир, нарастающий внутренний драматизм человеческого бытия. Когда занавес опускается, зритель уносит с собой ощущения, вызванные балетным спектаклем. Самое важное состоит в том, что тогда действие спектакля не заканчивается, а сознание и память долго удерживают духовное состояние, вызванное сценическим балетным действием.

В условиях становления и стремительного развития информационного общества, базирующегося на экономике знаний, возрастающее значение приобретает современная информационная культура. Она обладает множеством граней, важнейшие из которых составляют компьютерная, мультимедийная, сетевая культура. Компьютерная культура (киберкультура) включает в себя совокупность знаний, умений, навыков эффективной работы с компьютером, позволяющей быстро получать, сохранять, использовать разнообразную информацию, выделять из ее потоков те или иные сюжеты, фрагменты, фамилии, цифры, синтезировать их в желаемые последовательности, расширяя тем самым возможности восприятия, понимания и оценки разнообразных событий, происходящих в мире. К тому же использование для обмена информацией компьютерной техники позволяет сохранять высокую степень восприятия идей, взглядов, суждений, оценок при установлении связей на значительных расстояниях и взаимодействовать с множеством людей, оставаясь взаимно анонимным. В этом состоят несомненные позитивные компоненты

---

³⁹ Беларусь сегодня. 2015, 15 июля.

включенности человека в этот своеобразный вид культуры. Но быстрота передачи сообщений и их доступность выдвигают проблему защиты информации, личной ответственности человека, воспринимающего, оценивающего использующего различные потоки информационных сообщений.

Речь идет прежде всего о внутренних барьерах в самом человеке, не позволяющих осуществлять противоправные действия в виртуальном пространстве. Кроме того, чрезмерное, неограниченное разумными рамками погружение в интернет-пространство чревато опасностью отрыва человека от реального пространства, что сопровождается ощутимыми социально-психологическими издержками. Поэтому очень важно развивать культуру использования компьютерной техники, без чего не может существовать подлинной компьютерной культуры. Разновидностью компьютерной культуры является интернет-культура, создающая возможность для каждого человека, использующего интернет, выразить себя индивидуально в глобальном информационном пространстве посредством использования блогов, sms-сообщений и других нововведений.

Широкое распространение в последнее время получает мультимедийная культура, позволяющая улучшить и синтезировать звук и изображение, моделировать и осуществлять спецэффекты, ранее невозможные. Но и здесь имеются некоторые нежелательные последствия. Увлечение спецэффектами в мультимедийных взаимодействиях нередко приводит к тому, что оттесняются, а то и вовсе утрачиваются присущие искусству психологические нюансы, выразительность сюжетов и образов, глубина проникновения в человеческие чувства, стремления, горести и надежды. Здесь мы опять-таки включаемся в размышления о проблеме подлинной культуры использования мультимедийных средств не в ущерб, а в интересах духовного развития и возвышения человека, без чего не может быть подлинной культуры.

Все сказанное относится и к сетевой культуре как разновидности культуры компьютерной, которая существенно расширяет возможности взаимодействия человека с миром знаний, экономики, культуры, науки, образования, спорта и т.п. Все чаще появляются публикации о сетевом обществе, сетевом общении, сетевом фольклоре. Выдающийся социолог М. Кастельс считает, что в сетевой культуре имеется возможность сильного воздействия на духовный мир и поведение человека, которая «заключена в информационных кодах и репрезентативных образах, вокруг которых общества организуют свои учреждения, люди строят свою жизнь и определяют свое поведение». Благодаря включению в различные сетевые взаимодействия (без их чрезмерного использования) люди расширяют диапазон возможностей социального и духовного развития и возвышения личности.

Примерно в тех же доктринальных установлениях, как в европейской культуре, базирующейся на принципах христианства, происходит развертывание сюжетных, образных, эстетических и духовно-нравственных направлений культуры многих азиатских и африканских народов, основывающихся на вероисповедных канонах исламской религии. Так, современный мыслитель и проповедник Ф. Гюлен утверждает: «Религия — это богатый источник законов настоящей культуры. Благодаря этому источнику сердце и чувства человека облагораживаются, обретают чистоту и величие, сам он преодолевает границы физического мира и достигает того уровня, когда уже может утолять свою жажду напившись из истинного и первого Источника всех благ, красот и совершенств».⁴⁰ По убеждению Ф. Гюлена образцом именно такого, возвышающего ум, душу и сердце человека, религиозного миропонимания и человеколюбия, является ислам, который в настоящее время исповедуют более миллиарда человек. Ф. Гюлен убежден в том, что ислам — это объединяющая религия, в которой тождественная симпатия любовь к людям и помощь им не ограничиваются

---

⁴⁰ Гюлен Ф. Крытэрыі, альбо агні ў дарозе. — Мінск. 2002. — С. 38.

определенной расой, цветом кожи или этнической принадлежностью, вследствие чего все люди должны быть едины в вере во всемогущего Бога и действовать в этом мире как братья и сестры. Вследствие этого, подчеркивает он, «ислам признает все религии, которые существовали до него. Он признает всех проповедников и священные книги, ниспосланные разным людям в разные исторические эпохи. И ислам не только принимает их, но рассматривает веру в них как необходимое условие для любого мусульманина. Делая это, он признает единство всех религий. Мусульманин одновременно является истинным последователем Авраама, Моисея, Давида, Иисуса и всех других пророков.⁴¹ По его убеждению, ислам, христианство и иудаизм имеют общие корни, практически одинаковые основополагающие принципы и питаются из одного источника. Особенно настоятельной в XXI столетии, считает Ф. Гюлен, является необходимость взаимоуважительного диалога между мусульманами и христианами. В установлении и развитии такого диалога, убежден он, надлежит руководствоваться основополагающей идеей, согласно которой она возвеличивает любовь, взаимное уважение, терпение, всепрощение, милосердие, права человека, мир, братство и свободу через своих пророков.

Примерно в том же теоретико-методологическом ключе, как в исследовании влияния христианства на развитие европейской культуры, а мусульманства — на развитие культуры народов, исповедующих эту религию, следует анализировать и основные направления воздействия иудаистской религии на становление и развитие культуры еврейского народа. Главным истоком и основным фактором такого иницирующего воздействия стал Танах — еврейское Священное Писание. Важнейшие доктринальные сентенции Танаха можно свести к трем основным моментам⁴²: 1) новое понимание Бога (идея монотеизма — Единобожия); 2) новое понимание взаимоотношений Бога и человека (идея Союза, или Завета, с Богом; 3) новое понимание основоположений человеческого общежития (примат этического начала во взаимоотношениях людей, освященных авторитетом Бога). Все это нашло наиболее четкое и ясное выражение в знаменитом Декалоге — Десяти Заповедях (Исход. 20: 1-17). Все эти идеи получили свое дальнейшее своеобразное воплощение в возникших позднее христианстве и мусульманстве. Так создавался духовный фундамент построения грандиозного цивилизационно-культурного здания соработничества мировых и других религий.

В религиозных, философских и поэтических сюжетах и сопутствующих им поэтическим образам (например, в Песни Песней) содержатся множество о поэтизированных образцов воинской доблести, любовной и свадебной лирики, а также размышлений о бренности бытия, о поисках смысла жизни, о страданиях праведных и невинных. Все это излагается образным, метафорическим языком и последовательно соотносится с Богом, который существует вне времени и пространства, хотя открывается человеку в историческом времени и дает о себе знаки природного пространства.

Влияние диалога религий на развитие культуры разных народов нашло свое воплощение в творчестве И. Гердера, И.В. Гёте, В. Гюго, А.И. Куприна, А.А. Ахматовой, О.Э. Мандельштама, Б. Пастернака, Р. Бородулина (Песня над Песнями Саламонавыми, 2002 г.). Все названные и многие другие писатели и поэты, неоднократно обращавшиеся в своем творчестве к сюжетам знаменитой «Песни Песней», восхваляют ее как вневременное и надвременное поэтическое воплощение гармонии, красоты и любви мистической тайны человеческого бытия.

Усиливающееся соработничество религий, являющееся мощным фактором культурного развития народов и стран, обретает новые грани актуальности в XXI веке, когда усиливаются тенденции непредсказуемости и поливероятности социально-

⁴¹ Гюлен Ф. Перспективы. — Минск. 2009. — С. 24.

⁴² См.: Синило Г.В. Танах и мировая поэзия. Минск. «Энономпресс». 2009. С. 17.

экономического, политического и социокультурного развития, а роль культуры в духовном возвышении человека возрастает.

В.Р.Языкович, кандидат философских наук, доцент
проректор УО «Белорусский государственный университет культуры и искусств»

ПАЛИТРА ЦЕННОСТНЫХ ОСНОВАНИЙ МИРОВЫХ РЕЛИГИЙ: ЕДИНСТВО В МНОГООБРАЗИИ

В рамках культурно-антропологического подхода религии рассматриваются как ценностно-символические системы, воплощающие направленность человека к совершенному, абсолютному бытию. Особое значение для духовного потенциала человечества имеют ценностные системы мировых религий, включающие универсальные, сквозные измерения, что делает их важнейшим достоянием человечества. Вместе с тем, ценностные основания мировых религий характеризуются ярко выраженным своеобразием, вырастающим на почве оригинальных культур и цивилизаций.

Формирование и распространение влияния христианства стало важнейшим преобразующим фактором в истории европейской культуры, предопределило дальнейшее развитие западной цивилизации. Усвоение системы христианских ценностей стало основой духовного единства европейских народов. Утверждение христианских ценностей, представлений и социокультурных моделей внесло кардинальные изменения в культуру западного мира. Христианская система ценностей, воплотившая универсалистские, космополитические тенденции, складывавшиеся еще в поздеантичном мире, получила широкое распространение по всему миру.

Важной чертой христианства, как и других мировых религий, является универсальность, преодоление социальных, гендерных и этнических преград. Христианское учение обращено к каждому человеку, вне зависимости от социальной, культурной, этнической, гендерной принадлежности. Важнейшей интенцией христианского сознания является интроспективность, персонализм, обращенность к внутреннему миру, сердцу человека. Душа — индивидуально-личностная основа человека — в христианской трактовке предстает как совершенное творение Бога. Христианство придало особое значение духовным аспектам человеческой жизни, выработало представление о «внутреннем человеке». Христианские формы духовной жизни стимулировали проявление человеческой индивидуальности в ее тонких, нравственно-психологических измерениях. К важным достижениям христианской культуры следует отнести формирование европейского типа личности. Христианство фактически создало европейскую личность, характеризующуюся активной внутренней жизнью, сложной нравственно-психологической динамикой, стремлением к духовному совершенствованию⁴³.

Христианство утвердило новую иерархию ценностей, закрепило формировавшееся еще в некоторых античных учениях представление о приоритете идеального над материальным. Уже ранняя христианская мысль провозгласила идеалы духовной красоты, братской любви, личностного совершенствования. Для христианского сознания характерны острое переживание греха, покаянность, исповедальность, стремление следовать по пути духовного возрастания. Свойственные христианской системе ценностей идеалы посвящения, служения, жертвенности нашли яркое воплощение в монашеской традиции.

---

⁴³ Ильин И. А. Основы христианской культуры // Ильин И. А. Сочинения в 10 т. — Т. 1. — М., 1992.